

25 июля

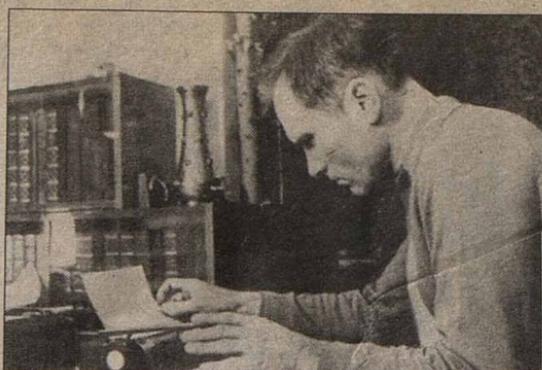
Василию

Макаровичу

ШУКШИНУ

ИСПОЛНИЛОСЬ

75 лет. Без «бы»

Петр ТОДОРОВСКИЙ:

Народ вытолкнул его из глубины души...

Сколько же это было лет назад? Он впервые снимался в кино — в картине «Два Федора». Жили мы вместе в Одессе, в студийном общежитии. Узенький такой коридорчик... Я — в одной комнате с Марленом Хуциевым. Шукшин — напротив. Так что общались плотно. Собирались чаще всего у нас. Я с аккордеоном. Он всегда где-то у двери, любил на корточках сидеть. Слушать. Подпевать. В то время он получал 80 рублей в месяц. Носил фуражку, солдатскую форму — все, как в «Двух Федорах». Одна форма была в стирке, другая — на нем.

Обаяние у него было невероятной силы... Не устоишь. Улыбка — без края. И смеялся страшно заразительно. Была там монтажер Тамара. Бешено в Шукшина влюбилась. Когда роман завершился, все никак не могла забыть, искала его в Москве. Рассказывают, позже заболела воспалением легких, отказалась от таблеток. И в бреду все спешила к Васеньке...

Шукшин и его герой в «Двух Федорах» были одно целое. Лицо народное. Кремневые скулы. Марлен любил его снимать — прежде всего за сдержанность, немногословность, органичность. На экране он был невероятно естествен, словно случайно выхваченный камерой солдат из толпы.

Он ведь тогда еще был студентом третьего курса, а производил впечатление солидности, опыта. Да он и вправду тертый был. Армию прошел. Деревенскую жизнь — с малолетства трудился до пота. До ВГИКа успел поработать истопником, директором школы. И уже потихоньку в стол писал.

Уже спустя время лежал Вася в гастроэнтерологии с язвой. Мы с Марленом пришли его навестить. Он сразу велит: «Петя, на шухер, покурю хоть...». В палате рядом с кроватью — пухлая стопка исписанных листов.

Еще вспоминается, пришел к ним домой в маленькую квартирку у троллейбусного круга, на втором этаже. На первом — винно-водочный магазин. Драки, крики с утра до ночи. За столом — две маленькие девочки, белобрысые до предела, будто вытравленные волосы в косичках...

Я уже практически утвердил его на роль в фильме по повести Федора Абрамова «Безотцовщина». Кинопроб не требовалось. Но хотелось посмотреть костюмы. И мы снимали его и Лиду. Здорово у них сцена сложилась. Жаль, болезнь помешала ему сниматься.

Никто не знает, откуда подобные самородки берутся. Огненный сплав таланта: режиссерского, писательского, актерского. Всего через край. Народ вытолкнул его из глубины души. Из Алтайского края, деревни Сростки на Чуйском тракте. Только он и мог снять такое кино народное, как «Калина красная».

Так уж повелось на Руси — истинно талантливые люди уходят рано. А он не цадил себя нисколько. У Бондарчука снимался в фильме «Они сражались за Родину». Целый день на раскаленном солнце, в чаду, среди взрывов. Ночью кофеарка всегда раскаленная — писал до рассвета про Разина. Тратился безжалостно. Талант распылял его. А здоровья было меньше, чем таланта...

Много лет прошло. И на фестивале в Сочи я впервые увидел повзрослевшую Машу. Словно что-то знакомое мелькнуло в ее лице. Улыбка? В общем, мне захотелось пригласить ее сниматься. Вот и сложилась ее роль в моей картине «Такая чудная игра», и началась профессиональная карьера следующего поколения Шукшиных...

Да, вспомнил... «Два Федора» 45 лет назад снимались...

Андрей БИТОВ:

...Но ему было тесно жить

Судьба очень сблизила два юбилея: Чехов и Шукшин. Двадцать пять лет. Жизнь одного поколения... Могилы их — на одном кладбище. И возраст, в котором они ушли, — был один. А больше вроде бы ничего общего.

Нет, есть еще одна черта: трезвость.

При Чехове ковер русской социальной жизни был более пестрым. И он поразительно понимал самые разные слои социума. При советской власти — ковер этот был единым. Такой... в лучшем случае защитного цвета. А слои стертые.

Тем не менее Шукшин зацепился за один слой — переходной. Он не деревенщик. И он не горожанин. Любопытно, что в старых русских пьесах характерные роли предоставлялись чаще всего горничным, дворникам... людям, покинувшим почву. Но не городским все-таки.

На переходе и проявлялись характеры. Я в 1974 году восхитился книгой Шукшина «Характеры». Трезвостью, точностью, зоркостью, лаконизмом, нервной переходной интонацией. Очень умный автор. Все видел. Не льстил.

И до сих пор эти рассказы — как резцом врезаны в память.

Ему было тесно жить. Однажды, уже в 1980-х, во дворе Союза писателей я встретил Бориса Можаева. Долго стояли. Говорили о Пушкине. Можаев сказал: «И характер мужика он впервые сделал. Пугачева... Самый что ни на есть русский мужик». А у Шукшина была огромная мечта — сыграть Пугачева. Ему не хватило жизни. И сама теснота

была тех лет — не по личности: теснота corridors, кухня... да всего... что-то в этом есть от истории с заячим тулупчиком.

Он раздвигал тесноту плечами своей актерской карьеры. И рассказы написаны актером... Он умел сыграть характер на бумаге. А как актер — он играл героя.

«Славы» застойного времени — они ведь не были никем организованы, о чем следует помнить. Ни пиаром. Ни властью. А как-то сами по себе, методом народной стройки: Высоцкий, Жванецкий. И слава Шукшина — той же природы. Очень люблю фразу, сказанную кем-то из знаменитых испанских тореадоров: «Публика ведь ничего не понимает в нашем искусстве... Но есть один закон. Когда мы делаем что-то действительно замечательное — это почему-то понимают все».

Вот такой же природы была слава Шукшина. Поняли все... Особенно если говорить о книге «Характеры» и «Калине красной».

Я люблю людей 1929 года рождения. Виктор Конецкий, Виктор Голявкин, блестящий филолог Сергей Бочаров. Есть общее: им всем не хватало места. Они честны и сердиты. В 1990-х Шукшин тоже сердился бы. Может быть, еще сильнее, чем тогда.

Вот этот его рассказ: школьник учит наизусть «Птицу-тройку» Гоголя. И вдруг его ударяет мысль: тройка несется... но везет-то она — Чичикова!

Казался рассказ просто блестящим. Оказался пророческим.